

ИХАИЛ ЦАРЕВ играет Маттиаса Клаузена в новом спектакле Малого театра «Перед заходом солнца». Это спектакль большой впечатляющей силы, спектакль глубоко современный.

Гауптман написал свою пьесу в 1932 году, написал в преддверии прихода фашистов к власти. «Перед заходом солнца» — семейная, психологическая драма. Но в конфликте издателя и ученого Маттиаса Клаузена с его своекорыстной, эгоистичной и жестокой семьей заключены были зерна будущей трагедии, которая развернулась в Германии: столкновение людей гуманистической культуры с темной фашистской нечистью, захватившей страну.

Режиссер Л. Хейфец подошел к пьесе, опираясь на опыт человечества, уже видевшего страшный лик фашизма и выигравшего победоносную войну против него.

Постановщик преобразил и сам облик пьесы, приблизив его к тому, что у нас в критике определяется термином «современное искусство». В этом помог ему новый перевод Л. Лунгиной, снявшей с

ую гуманистическую культуру Клаузена, словно ставшую его второй натурой.

Особенно труден последний акт. Артисту надо сыграть безумного Лира XX века.

Изображая обезумевшего Клаузена, очень легко власть в мелодраму или патологию. Но Царев и здесь нигде не переходит границ художественности, и здесь безукоризненно сдержан, точен и правдив.

Мастерство актера, искусство детали проявляются в том, что мы с первого его появления чувствуем душевное смятение, которым охвачен Клаузен. Артист все время несет мысль, и эта мысль потрясенного и ошеломленного, полубезумного человека везде облекается в правдивую форму.

Слова Клаузена о том, что любовь его умерла, сцена самоубийства Клаузена, поступившего в духе любимого им Марка Аврелия, — все это сыграно артистом с проникновенной силой, глубиной и пластической выразительностью.

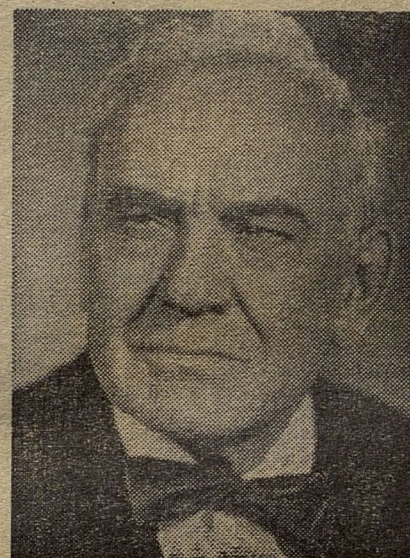
Исполнение Царева современно во всех смыслах этого слова. Оно современно в том смысле, что несет тему гуманистического протеста против варвар-

Рано появилась в искусстве Царева и еще одна категория образов. Это типы русских людей — мягких и деликатных, наделенных большой душевной чистотой и неприемлющих зло жизни. Таков его Федя Протасов из «Живого трупа», словно открытый людям и не способный жить в мире лжи и обмана. Таков его дядюшка из «Села Степанчиково» — одна из лучших и недостаточно оцененных ролей Царева.

Мы хотим привести отзыв об этом создании артиста, принадлежащий такому тонкому художнику, как А. Г. Коонен:

«...Он устойчив в своем стремлении к добру и... неустойчив в своих действиях. Ростаневу в исполнении Царева сочувствуешь, когда он произносит горячие речи, упрямо отстаивая то, во что глубоко верит, — вы видите, какая это благородная натура. Царев «поднял» образ Ростанева, сделал его значительным, весомым. Актер не ограничился, как это бывает, внешней характеристикой. Его отставной полковник, вопреки своей грубоватой наружности, деликатен, застенчив. Его любовь к Настеньке Царев окрашивает романтически, поэтично. И становится понятным, что такого обаятельного, непосредственного человека — пусть он и не молод — могла полюбить юная девушка».

Царев никогда не был ограничен уз-

«Перед заходом солнца», Маттиас Клаузен.

УРОКИ ЦАРЕВА

пьесы известную романтическую приподнятость, сделавшей ее более жесткой и прозаичной. Режиссер сжал пьесу, освободил ее от классически замедленной экспозиции, сделал более лаконичной и динамической. Освободил он ее и от бытовой окраски, выдвинув вперед философскую концепцию. Конечно, от этой операции пьеса кое в чем пострадала. Исчезли некоторые идейно важные куски, раскрывающие мировоззрение Маттиаса Клаузена и его противников. Пропали и некоторые бытовые краски.

Все это накладывает на актеров дополнительные трудности. Их преодолели великолепные мастера Малого театра, прежде всего преодолел Царев. Он играет Клаузена сдержанно и скупое, играет почти не повышая голоса, играет на полтонах, переносит центр тяжести на внутреннюю содержательность исполнения.

Конечно, такая трактовка вытекает из замысла постановщика, но у большого мастера Царева нашлись краски и возможности осуществить этот замысел.

Царев играет немецкого интеллигент-гуманиста, человека большой культуры, сохранившего живую душу.

Уже в первой сцене спектакля мы чувствуем за respectableйшей внешностью этого похожего на старого Гёте человека его внутреннюю порядочность и внутреннюю значительность, чувствуем и то, что почести не представляют для него ничего существенного. В разговоре с профессором Гайгером (его тактично, умно и тонко играет Е. Велихов) перед нами раскрывается и душевная молодость Клаузена.

Мастерство артиста, умеющего в очень лаконичной форме раскрыть большие чувства, великолепно проявляется в сцене с детьми, после того как они изгнали Инкен. Сдерживая себя и обмениваясь со всеми вежливыми репликами, Клаузен — Царев постепенно обнаруживает то раздражение и возмущение, которые нарастают в нем под влиянием бессердечия и злой бестактности его детей.

Дополнительные краски вносит в образ Клаузена Царев в сцене объяснения с Инкен (Н. Вилькина). Когда он во время этого объяснения читает ей Гёте, он доносит в этих словах не только яркость и силу старческой любви, но и глубочай-

ства и жестокости, насилия над человеческой личностью. Оно современно и в том смысле, что несет правду чувства без внешних искусственных приемов. Созданный Царевым образ увлекает своей масштабностью и цельностью.

Михаил Иванович Царев был учеником блистательного русского артиста Ю. М. Юрьева, мастера романтического и классического театра. Эта школа много дала Цареву: умение владеть стихом, свободу и раскованность голоса, романтическую приподнятость.

Без этой школы Царев не смог бы стать одним из лучших Чацких русской сцены и с таким законченным мастерством сыграть Арбенина в «Маскараде». Но именно с этим было связано представление о Цареве как о «старомодном» актере, носителе условных романтических приемов.

Представление это неверно хотя бы потому, что романтическая школа русского театра никогда не противостояла реалистической правде чувств и переживаний.

Да, обладающий превосходными актерскими данными Царев занял и на сцене Академического театра драмы имени Пушкина, и в театре Мейерхольда, где он пробыв сравнительно недолго, и в Малом театре амплуа героя-любownika, играл те роли, которые полагалось актеру этого типа играть. Но и в таких ролях он достигал большой жизненности и человечности, настоящей художественной правды.

В персонажах Царева часто выступают веселость и озорство. Эта веселость и озорство были в его доне Сезаре де Базане — романтическом дворянине из пьесы Гюго «Рюи Блаз». Они были в его Чацком, порывистом, задорном, сыплющем эпитаграммы. Но это не мешало Цареву показать, как созревает мыслитель и борец.

С умением передавать озорство и веселость связан и замечательный образ Глумова в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Малый театр знает блестящих классических Глумовых. Царев бесспорно один из них. Глумов Царева очень молод, это легкомысленный молодой человек, прирожденный лицедей, который играет и разыгрывает окружающих, смеясь над их пороками. В этой игре он где-то проявил легкомыслие, переиграл и сорвался.

ким амплуа героя-любownika, он широко постигал человека и раскрывал характеры разные и противоречивые. После Чацкого он сыграл в «Горе от ума» Фамусова, проявив не только тонкое понимание стиля Грибоедова, но и раскрыв с глубоким внутренним комизмом ретроградство, тупость, пустоту, безделье Фамусова. Когда недавно на юбилее театра имени Вахтангова он прочел один из монологов Фамусова, зрители, сидящие в зале и у телевизоров, были буквально захвачены мастерством артиста.

Разнообразие человеческих типов, доступных искусству Царева, особенно ярко заметно в его последних работах, где он проявил себя и как талантливый характерный актер.

В пьесе М. Горького «Старик» Царев сыграл две роли. Страшного своим коварством и вероломством Старика и нашедшего свой путь в жизни Мастакова, жертвы подлости и предательства.

В «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского Царев опрокидывает представление о Вожаке как о стихийном и темном человеке. В лаконичной и обобщенной форме артист точно и безошибочно раскрывает сущность изощренного политика, провокатора до мозга костей — этакое человеческое отребье, примазавшееся к революции.

И другого врага сыграл Царев — в пьесе С. Дангулова «Признание». Это Илья Репнин — старый дворянин, враг не только непримиримый, но по-своему честный и убежденный. В Илье Репнине, сыгранном Царевым без всякого схематизма, есть даже известное благородство, но все жизненные связи и классовые симпатии ставят Репнина в положение противника революции.

Да, реальный Царев далек от сложившегося в свое время однобокого представления о «старомодном» романтическом актере. Умение Царева нести мысль, выражать ее в лаконичной, сдержанной форме, помогает ему обобщать, лепить выпуклые, масштабные характеры. А это ведь и есть главное качество современного актера. И качество поучительное.

Таковы уроки одного из крупнейших артистов современности Михаила Ивановича Царева.

А. ШТЕЙН,
доктор искусствоведения

«Оптимистическая трагедия». Вожак.

«Старик». Старик.
Фото И. ЕФИМОВА